

ПРЕСТУПЛЕНИЯ КИЕВСКОГО НЕОНАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ГОРОДЕ УГЛЕДАРЕ

Собранные Международным общественным трибуналом по преступлениям украинских неонацистов (председатель – М.С. Григорьев) свидетельские показания жителей города Угледара демонстрируют системную практику массовых преступлений украинского неонацистского режима на временно подконтрольных ему русскоязычных территориях. Такого рода преступления квалифицируются международным гуманитарным правом как военные преступления и не имеют срока давности.

**Светлана Евгеньевна
Синицина**

«Я все время живу в Угледаре, с 1965 года. Здесь родила своих детей двух. У меня старший сын и младший. Младший сын 1989 года рождения. Мой сынок – Гладких Максим Алексеевич.

27 августа 2016 года в районе где-то 10 часов вечера моего сына зверски убил украинский военный из Айдара. В районе кафе «Марсель» шли украинские военнослужащие, пьяные, два человека. Они с девушками очень грубо начали разговаривать. Максим, мой сын, остановился и сделал им замечание.

У нас столько случаев было здесь. Девчонок и насиловали украинские военные, и издевались. Девчонки наши, бывало, пропадали, куда они их увозили, непонятно.

И он остановился и начал им говорить, что сколько вы будете к нашим девочкам приставать. Заступился за девчат. Народ собрался, люди выскочили, которые в кафе отдыхали в «Марселе», выскочили оттуда.

Один стал орать, я сейчас гранату взорву, никто не подходите. Айдаровец – сейчас гранату взорву. Люди расступились.

Сын у меня был безоружный, он был высокий, работал в шахте. Здесь вот у меня документы все, которые у меня есть, все-все описано. Второй айдаровец вытащил из-под сапога большой нож и ударил Максима в паховую артерию. Он знал, куда бить. Он его ударил, и мой сын в течение трех - четырех минут истек кровью.

Я с 2016 года собрала свидетелей, подала все это в суд. Назначили ему меру наказания. Следователи все правильно наши написали, угледаровские. У меня здесь тоже документы все эти есть. Как это было, все описали. Мы думали, что его сразу закроют, а айдаровцам его отдали на поруки, в часть. И после этого я с ними 6 лет вела тяжбу. 6 лет, все здоровье мое на это ушло. Так никто и не наказал его.

Последняя повестка у меня – вот здесь вот. Волновахский районный суд Донецкой области выкликает Синицину Светлану Евгеньевну как потерпевшую и обвиняемого Сороку Дмитрия Владимировича. Тут написано, в общем, чтобы надо было явиться в суд. Вот эта последняя повестка за 13 января 2022 года. Этот суд опять так и не состоялся. Я приезжала на суды каждый раз. То какую-то бумажку не напечатали, то он, значит, где-то там на сборах, то у него заболел этот самый... И так его и не осудили.

Фамилия украинского военного – убийцы моего сына – Сорока Дмитрий Владимирович, 95-го года рождения. Уроженец Херсона, Херсонской области. Гражданин Украины. Работает заместителем командира гаубичной батареи с особливим складом. Живет в Волочисском районе Хмельницкой области».

Александр Владимирович Каблуков

«Я в Угледаре с самого рождения и до сегодняшнего дня, отработал 25 лет на шахте.

Где-то в январе 2023 года в соседние подъезды поселялись украинские военные. А к концу января пришли в наш подъезд, старший ихний, и сказал, выселяйтесь.

Нехотя так, скрипя зубами, пришлось уходить. И перешли мы во вторую школу. Периодически наведывались в свои квартиры, по разу в неделю ходили домой. Соседние были уже вскрыты.

А когда пришли еще раз за какими-то вещами, уже наши квартиры были тоже вскрыты, все перевернуто вверх дном.

У меня телевизор пропал, роликовые коньки. У мамы, мы с мамой в соседних квартирах жили, тоже все было перевернуто. Даже на стенах в маминой квартире понаписывали нецензурные слова, обращенные к русским».

Виталий Витальевич Бондарь

«Нас украинские военные закошмаривали, запугивали, создавали панику у людей, чтобы выезжали.

Украинские военные воровали очень вплотную, регулярно и с удовольствием. Вывозили все, что можно. Конечно, в приоритете была бытовая техника, телевизоры, стиральные машины, газовые плиты. Доходило вплоть до того, что снимали розетки, выключатели, смесители. Розетки вытаскивали, отбивали кафельную плитку, у кого

хорошая – со стен сбивали. Умудрялись.

Они открывали магазины в ближайших населенных пунктах. Назывались «Товары из Донбасса». И там шла распродажа ворованного.

Автомобиль мой своровали. Этой весной звонит мне человек с Курахово. Говорит, я купил вашу машину, но потерял документы. Говорит, вы не могли бы мне техпаспорт привезти? Я говорю, мало того, что и машину украли, так еще и документы отдай. Украинская милиция занималась этими делами.

А как заявление на угон подать, если тут ничего нет? Если мэр вывез все службы, милицию, больницы. Пожарную охрану под приказ вывезли. Ребята сами еще оставались. Сами, по своей инициативе, до последнего, но потом все равно всех в приказном порядке вывезли».

**Наталья Петровна
Задорожная**

«Я в Угледаре с 1989 года. Сейчас украинские военные относились к нам по-скотски. Ничего хорошего мы от них не видели. Вечное запугивание.

Когда приходят, мы сидим как мышки-норушки. Потому что они с автоматами. От них можно что хотите ожидать.

Они вывозили все. Взламывали двери в квартирах. Все, что им нравилось, все с квартир вывозили. Холодильники, машины, даже детские кроватки. И детские игрушки вывозили, вещи.

В общем, мародерство. Как они потом сказали, это у них не мародерство, это у них называется добыча.

Трофеи. Они их зарабатывают. Но потом эти трофеи почему-то всплывают на той стороне, на Украине, «Товары из Донбасса».

Им не стыдно ничего. Стреляют лично по нам.

Вот, иностранные журналисты приезжают тут с капелланами. Мол, это Россия стреляла. Да мы ее еще не видели тогда. Вы посмотрите, с какой стороны стреляют. Стреляют с той стороны. Да? А там же Украина стоит. Ну, делайте вывод. Делайте вывод. Нет. Им это неинтересно.

Правда, они начинают, ну, скажите, вот расскажите это. Но мы рассказываем. Вы же правду все равно не пишете. Вы не рассказываете правду. Вы говорите то, что интересно вам, а не нам. А вы расскажите, чтобы люди знали об этом. А как этим враньем заниматься? Они такие чистые, пушистые? Нет. Ничего чистого, пушистого нет.

В 2023 году или июль, или август приехали к нам в подвал, они здесь хотели устроить свой центр. Душевые кабинки, машинки стиральные сюда поставить, чтобы украинские солдаты ходили, купались. Журналистов было много.

Я сама не знаю, какая меня сила вынесла просто. Я вышла там, встала в дверях – на входе, я сказала, не пущу сюда. Ты – начальник милиции, ты с автоматом? А я говорю, вон мой синий дом, меня, говорю, оттуда выгнали, говорю, вот я в чем стою, говорю. И говорю, хочешь ты еще из подвала нас выгнать? А он на меня так, а я на него так. Он говорит: ты в Россию хочешь? Я говорю, Угледар – это моя родина, я, говорю, здесь родилась и жила. Говорю, хочешь убить меня? Расстреляй, говорю, выводи туда и расстреливай, я в шоке таком была. Я вас сюда не звала.

Об украинской власти ничего хорошего не думаю. Пусть оставят нас в покое. Пусть уйдут. Пусть идут подальше.

Сказать бы этой твари, Зеленскому, извините за выражение – уйди подальше.

Потому что ВСУ убивают детей, стариков, насилуют женщин. За что? За что вы пришли, мы вас не трогали. За наш русский язык, потому что мы хотим им говорить?

Мы же не хотели в Украине остаться, была своя Республика Донбасс».

**Евгений Анатольевич
Тарасенко**

«В наше убежище – подвал школы – я попал в первых числах апреля 2022 года. Вот это до сих пор я здесь, два года и семь месяцев уже.

Я лично свидетель – у меня дом смотрит в сторону Курахово, в сторону третьей шахты. Я на балкон выходил и мне все видно было. По полям ВСУ машина рычит, пикап, фары включены были, видно было, что по полю едет. Остановился, бах, стрельнул, слышу, что в городе прилет

появляется.

Потом переехал он в другое поле с той стороны, бах, там пострелял, мне с балкона отлично было видно. Ну, кто это сделал? Позже они света боялись уже, когда российские войска ближе подходили, они уже фары заклеивали. А тогда в открытую, с включенными фарами, с включенным светом ездили.

Еще один личный мой пример. Это где-то лето, наверное, было в 2022 году. Я еще домой ходил, хотя в школе жил уже здесь, в подвале. Дома проверял квартиру еще. И иду назад, и к школе подхожу, а передо мной журналистка была такая маленькая в очочках, а сзади нее военнослужащий украинский был в форме. И я сзади них, подхожу к школе, и она с камерой поворачивается, снимает. А на улице тихо-тихо, вообще тишина, ни выстрела, ничего не было.

И украинский военнослужащий, по рации: «Что-то тут тихо, ну пошумите, пошумите тут». И началось, там стрельнули, сям где-то стрельнуло, прилетело, там стрельнуло. И журналистка такая: «О, май гот, о май гот!» И побежала, как дунула куда-то. Военнослужащие, ты куда, ВСУшник, куда ты побежала? И она в сторону школы дунула.

Начали в открытую ВСУ мародерничать, где-то уже в марте 2022 года. У нас был и «Правый сектор», и «Азов» был. Вот они самые такие мародеристые были. Как-то я слышу, в городе-то тишина полная, темно, и слышно, что двери гупают. Они ходили и громко разговаривали. Квартиру взломали и выносили. Потом подошли к машине, начали колупать дверь в этой машине. Одну колупали, что-то пытались завести, не получилось, подошли к другой.

Начали уже в открытую, днём, на пикапах. Вот так проходишь, я ещё домой тогда ходил, в квадрат заходишь, и пикап. Смотрю, ковры какие-то, матрасы, телевизоры, всё, что можно. И тянут, тянут, тянут и не стесняются. Ну, понятно, что ты ему скажешь, человек при оружии. Выносит, выносит.

История была с моей соседкой. Я присматривал за квартирами, у меня ключи были от некоторых квартир. И связь еще была. Я с ней созванивался. Она говорила, посмотри, что там, что у меня там творится. Ничего уже не было у нее. Я созвонился, говорю, что нету ничего. Я уже поняла, говорит, потому что в Интернете я уже в продаже нашла свою курточку. Я говорю, а как ты определила, что она именно твоя? Ну, у меня на рукаве царапина сильная была. А там в продаже указана курточка, еще уточнение, есть царапина на рукаве. Я по фотографиям посмотрела, точно, моя курточка. Уже, говорит, в Интернете мои вещи в продаже уже есть».

**Сергей Владимирович
Задорожний (65 лет)**

«Наш город начали обстреливать, когда тут никаких российских войск не было – никого, кроме ВСУ.

Когда началось, мы как раз с женой шли в центр. Когда развернулся в сторону больницы – увидели, как они пролетели, и взрыв. Мы сразу забежали в квартиру, я – на балкон. Там, возле больницы, один был взрыв, потом второй, третий, четвертый. Я увидел, как люди оттуда начали бежать. Я жене говорю, побегу, может, кому-то надо

помочь. Потому что оттуда бегут, а туда никто не бежит. И, когда я прибежал до больницы, я увидел две машины сгоревших и четыре трупа.

Что самое интересное, солдаты, ВСУшники, они стояли в санатории. В это здание ничего не прилетело. А все взорвалось перед больницей, перед входом, и там попало где-то в трансформаторную. Я пробежал вокруг этой больницы, а там у нас заправка. Как машины стояли, под заправку заезжали, и машины так и стоят.

Прихожу домой, уже передают по новостям. Украина передает, что Россия нанесла удар по Угледару. Ну, кто тут поверит? Мы – нет. Тем более, я когда шел, ребята тоже бежали. Они говорят, потом разговор так между... Говорят, какая это Россия? Они на гаражах были. Они видели, как эти ракеты со стороны Курахово оттуда запускали, оттуда летели.

Но самое интересное, за полчаса до этого, до прилета, их всех вывели оттуда. Украинских солдат. Потом приезжали корреспонденты с Украины. Они мне начали говорить, что это Россия «Смерчем» или чем обстреляла. Я им говорю, а почему же тогда солдат вывели? За полчаса до обстрела, я говорю, вывели солдат. Мы видели, люди видели, откуда оно летело. Я говорю, вы знаете, если бы я туда не побежал и лично не видел это все, что там ни одного солдата не было. А потом они заехали назад. Это февраль месяц 2022 года.

Вот так начиналось. Еще не было вообще русских. Ну и пошли обстрелы. Первая школа, ходили там гуманитарку получать. Там стоит БМП, там общежитие за углом. Я как прошел, смотрю, БМПшка стоит. Что она делала? Выезжает с той стороны, стреляет на эту сторону, понимаете?

Чтобы люди из города выезжали, команда такая. БМП проезжает, то по центру станет, обстреляет туда-сюда, то с этой стороны. Это все мы видели. Могут люди, я думаю, вам рассказывали за эти обстрелы, как ездили по городу и обстреливали нас.

Нас фосфором обстреливали. На утро, на следующий день или к обеду, проезжают наши начальники бывшие. То Новиков проезжал, то другие проезжают. Опять говорят, чтобы мы выезжали. И всегда корреспонденты приезжали. Ну, мы люди такие, что им правду говорили. Они все нас подталкивают, чтобы я сказал там или кто-то, что это русские обстреляли.

А когда первый раз голубой дом обстреляли, мы пожар тушили. Самое интересное, ВСУшники приехали, при нас вызывают своих: не обстреливайте четвертый сектор, мы помогаем тушить квартиру. Понимаете?»

**Марина Владимировна
Голобородько**

«Украинские обстрелы города начались тогда, когда о российских войсках поблизости речи ещё не могло идти.

24 февраля 2022 года к нам прилетела первая ракета. То есть это ещё только-только было начало Волновахи, бои в Волновахе. Здесь уже были первые обстрелы. И тогда у нас были первые погибшие. Двое погибло, были ранены еще.

С этого дня начались, планомерно – в одной части города, потом в другой – обстрелы. Люди сами видели, как ехал по центру города украинский танк, остановился, повернул дуло и выстрелил в подъезд. Они просто ездили по городу, стреляли.

Они обстреливали город, ездили на пикапе, там стоял миномет, и вот он вкруговую объезжает и обстреливает. Они пугали людей, чтобы люди быстрее уезжали, освобождали им место. Ну и, собственно, меньше людей, меньше свидетелей, меньше, кто скажет о том, что они видели.

В 2023 году у моего папы ВСУ просто угнали машину. Просто открыли и угнали. Мою квартиру обокрали. Даже вырезали кусочек лацкана на пиджаке, где была булавка».

**Ирина Витальевна
Лыдина (67 лет)**

«В 2022 году от обстрела ВСУ пять человек погибли. Где-то конец марта, начало апреля.

Я шла за водой через дворы. Грохот был сумасшедший. Я смотрю, там какие-то шматки. Я думаю, собак что ли подкармливают. А там мозги, голова - там останки людей без рук, без ног. Страшно.

И быстро, пяти минут не прошло, журналисты. Белая, большая машина. Я еще удивилась, что они выходят и снимают, а рот до ушей. Я еще думаю, Господи, что ж вы улыбаетесь, если люди погибли. Такое творится в фильмах ужасов. Это очень жутко. Очень страшно.

Специально для съемок обстрел. Все так, в общем-то, считали. Такое впечатление, как будто ВСУ чуть ли не с крыши девятиэтажки стреляли. Мгновенно разнесло эту пластмассовую бочка для воды, краник, да. Всё разнесло. Людей. Ничего не осталось.

Был наш сосед там. Я на третьем живу, они на четвёртом. Ребёнок, пять лет, спрашивает: Папа, где папа? Отца ребёнка, Костю, убили.

Такие вот зверства просто ради пропаганды. Репортеры, которые приехали, они рассказывали, что это Россия сделала. Хотя своими глазами видели, сволочи.

Помню, около первой школы мы получали гуманитарку. И украинский танк как влупасил. По школе стрелял. Еще в 2022 году».

Сергей Анатольевич Голобородько

«Я шахтер, пенсионер, но я продолжал работать на шахте до 24 февраля 2022 года. 12 марта нас выгнали из дома. Приехали ВСУ, они бежали с Волновахи. Приехали, начали стучать в квартиры. Нам сказали, у вас есть полчаса, собирайтесь и уходите отсюда. У соседа взломали машину.

Мы собрали вещи и пришли сюда, в школу, в подвал. ВСУ заселились в наши квартиры, занимались мародерством, забрали всю технику, фотоаппарат зеркальный, колонки, аудио-видеоаппаратуру. То есть они все это забрали, вплоть до белья жены. Женское белье было развешано, половину они забрали.

И когда мы пришли домой, такая вот картина была. Мы заходим в комнату, а там по колону – вещи. Они со шкафов всё выбрасывали на пол, что им интересно забирали.

У нас вскрыли гараж. Украли дорогие велосипеды. В общем, всю технику, которая там стояла. Сняли с машины колеса. Разбили боковое стекло в машине. Все бардачки были открыты. В общем, багажник открыт. Зимнюю резину с подвала они вытянули из-под машины.

Еще был такой случай. Тут у нас дом рядом со школой, с подвалом. Мы его закрыли на ключ, на замок. И в какой-то момент мы услышали, что там разговор. Мы со Славиком зашли туда, увидели двух военных. Они без оружия были. Мы спросили, что вы в этом доме делаете. Они сказали, мы смотрим тут позиции. И быстренько убежали через окно, через первый этаж.

Буквально через день пришли человек пять, и вот они сразу подошли к двери, закрытой этого подъезда, а там постоянно замок висел, и направили на него вот эту муху, как гранатомет называется, труба вот эта, хотели взорвать ее. Мы сказали, что вы делаете, вот ключ, зачем? И вот тут они начали нас тыкать автоматами, кричать, мы вас расстреляем и все такое прочее. Славику порвали тогда паспорт украинский. Хотя, по сути-то, они не имели права проверять у нас паспорта. Но тут же закон не писан. Они забрали паспорта, проверили. Думали, они нас расстреляют. Мы открыли подъезд. Они пошли, лазили по квартирам там. Потом еще неоднократно приходили. Говорили, давайте ключи. Заходили, мы слышали, как они ломают двери, и выходили оттуда с сумкой. Вот так. Особо с нами никто не церемонился.

А еще, давно, парень-шахтер отдыхал как-то в кафе, зашел туда военный и начал кричать «Слава Украине!». А он сказал «Слава шахтерам!». И за это получил ножом, ударил в район бедра, в артерию, он истек кровью сразу просто. Этому военному ничего не было.

Когда это все началось, народу было очень много, практически пол-Угледача точно людей было еще. И тогда голове военно-гражданской администрации начали задавать вопросы. Где военная комендатура, которая будет наводить с военными порядок, которая будет реагировать на их мародёрство, на их пьянство. Но при этом он ничего не ответил и уехал. Мирные жители говорили, что, когда с украинскими военными разговаривали, спрашивали, что вы делаете? А они сказали, что нам ваш мэр отдал город и сказал, что хотите, то и делайте».

Светлана Геннадьевна Панова, пострадавшая от преступлений ВСУ из г. Угледача

«Я в Угледаче уже 52 года. Мне было четыре годика, мама меня маленькую привезла. Шахтерам давали квартиры за полтора месяца. И вот я с Угледачем росла.

6 февраля 2023 года ВСУ запрещали в моем доме в мою квартиру мне заходить. А как же нам воду брать? У нас ничего не было.

Мы жили в подвале между вторым и третьим подъездом. А другие ВСУ заминировали. Туда нельзя ходить.

Ходить только во второй и третий подъезд. Они нам: «Чего вы тут сидите? Выезжайте, это беспечно». А где беспечно? Так они и не сказали. А чтобы выехать, деньги нужны. У нас их нет. У меня документы, я работала в больнице, у меня сгорели в больнице там. У меня только паспорт.

В этот день я высыпала кушать собакам. Это было в феврале, было холодно. И слышим, как начинают камешки трещать от людей. Мы сразу в подвал зашли.

От ВСУ много бед. Все проукраинцы выехали на Украину. Мы только остались тут до конца ждать своих в России. Сашка пенсионер. Валик пенсионер. Тот раненый. И мы три бабушки.

Наши говорят: «Кто-то лазит в подъезде». Под лестницей стояли. Там, когда стоят, слышно, что под ногами что-то трещит.

Наши курили всегда возле поддувала у печки. Я смотрю, Сашка лежит, и такой цвет. Он говорит: «Я, по-моему, умираю». Я говорю: «Как?» Я шаг-два сделала, и все, и сама вот так упала на кровать. А Сашка возле печки. Тетя Люба там с кровати упала.

Лежим, как крысы. Ты слышишь, еле губами шевелишь, но ты не можешь ничего сделать. Тетя Валя – я дотрагиваюсь до нее, она холодная. Я кричу, тетя Валя умерла. Мы были парализованы.

Юрка надел противогаз, догадался одеть. И он открыл дверь, воздух начал поступать, и он начал, мол, подрывайтесь, давайте на улицу. И мы уже встали, а все описаны, обкаканы. То есть, ну, мы даже не чувствовали, у нас органы вообще ничего не чувствовали. То есть мы были в шоке.

ВСУ на нас как на подопытных кроликах проверяли что-то. Мало того, подвал у нас хороший, тёплый. Может, выгнать еще нас хотели. Потом у нас побочка пошла, начали мышцы лица. И у собак оскал.

Потом через день зашли ВСУшники. Сколько у вас там осталось? Говорю, вы же считали нас ночью. Ходили только ночью считали. Где седьмой? После всего вот этого Валик ушел. Они залетают: где седьмой, где седьмой, куда это делся? Говорим, да вы же знаете, инвалид, пенсионер.

А давно, когда мы пошли где был ДНД, восьмой дом - там у нас был магазинчик, там можно купить хлеба. ВСУ на танке проезжали, увидели скопление людей, развернули танк и четыре выстрела было в дом. Содрогнулись все. Мы быстро в подвал спустились к Светке. Конечно, много осколков было. Кому в спину, кому еще...»

**Алина Петровна Голодняк (74 года),
пострадавшая от преступлений
ВСУ из г. Угледара**

«24 февраля 2022 года у нас начался обстрел. Украинская диверсия была. Одни считают, что украинская диверсия, а были и по-другому считавшие. Украина развязала всё это.

Однажды в 2022-м был комендантский час и двое мужчин не зашли в подъезд. Я говорю, а чего вы не зашли и двери не закрыли? Они сказали, что тушенку нам пообещали. А потом обстрел. Вместо тушенки получили взрыв. Мужчину насмерть убило. Он зашел только в подъезд. Меня контузило. Это на Пасху было.

Квартиру полностью разнесло. Меня, конечно, оглушило сильно всё это. Начала плакать женщина, её муж ещё там, от квартиры ничего не осталось, а мужчину убило сразу. Собачку там убило.

Обстреливают, потому что нас не любят, в сущности, в Украине. Сепарами называют. Мы в подвале уже здесь были, зашли два парня: шо вы тут сыдытэ? Чего мы тут за вас воевать должны, сепары, ждуны?

Мы им сказали, не пугайте, что вы автоматы наставили, здесь люди и больные. Бывало, забегали прям с автоматами, проверки устраивали. Боялись мы, конечно, всего этого».

**Елена Алексеевна Кузичева (73 года),
пострадавшая от преступлений
ВСУ из г. Угледара**

«Я живу в Угледаре с 1978 года, а мне 73 года. ВСУ просто взламывали квартиры, выносились все буквально. В общем, что они хотели, то они брали. Машины, которые стояли во дворах, все забраны.

У нас сзади дома машина, ещё советского выпуска, ВСУ не могли никак ее завести. А так ВСУ выносят, ставят вот на крыльцо стиралки, холодильники. И когда вот подъехали уже с БМП к нашему дому, я подходила. Ребята, конечно, они из Западной Украины там. Я же подошла и говорю, так, ну, ребята, ну, пора уже договариваться о мире. А он мне сказал, на украинском, что о мире поехал уже Макрон договариваться с Зеленским. Я еще говорю, причем тут Макрон? У нас кто Президент? Зеленский. Он должен... Вы понимаете, у меня такое впечатление, что для них тут земля, а нас не существует.

Мы смотрели с окон, как ВСУ вывозили все с садика. Вот всё там, я тогда думаю, господи, Боже мой. Они выносили всё, и матрасики, и посуду. И много-много. И вот это вот у нас продолжалось до последнего. Я уже не знаю, что там можно с разбитых квартир выносить».

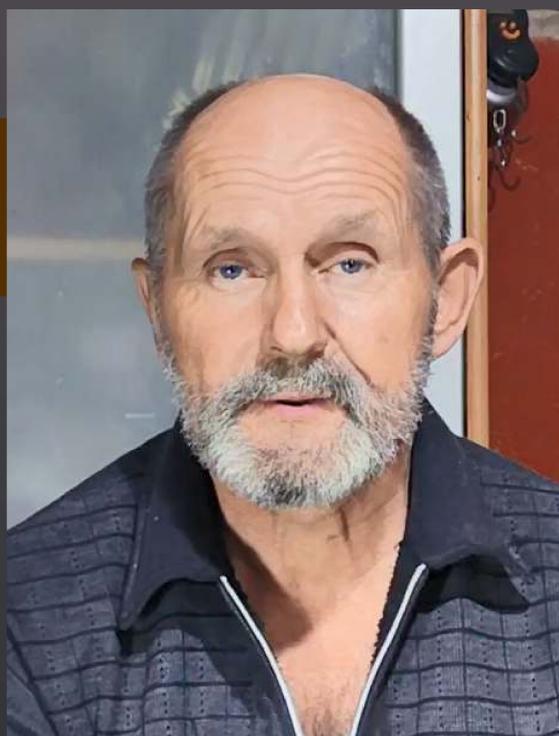

**Сергей Викторович
Булава**

«Все жители подъезда уехали. Я остался сам. В общем, я смотрел на Павловку, когда её обстреливали. Я смотрел с крыши своего дома, и меня заметили. В общем, утром в дверь постучали, я открыл, там военные. Сказали, собирайся, документы и телефон бери с собой. Они одели мне чёрный мешок на голову, чтобы я их не видел. Чтобы не видели, куда они ведут меня. Это было в начале лета 2022 года.

Они начали меня спрашивать, почему я смотрю на Павловку. Я сказал, что там живёт мама. Брат, сестра. Ударили меня по ребрам очень сильно, у меня были потом синяки, долго болело одно ребро. По двум сторонам ударили. Допрашивали где-то с полдевятого утра и до часу дня. Четыре с половиной часа.

Я сказал, что я ни в чем не виноват. Я просто смотрел. Просил их, чтобы они меня отпустили. Но они сначала в одном месте допрос, потом посадили в машину, повезли в другое место. С черным мешком. Я их не видел. Между собой они тоже не разговаривали. Недалеко от Угледара отпустили, высадили с машины. Мешок сняли и показали, рукой показали, в сторону Угледара. Квартира была закрыта. Ключи куда-то они забрали. Я пришёл в подвал в школу».

**Вячеслав Эдуардович
Риман**

«Я шел в магазин, переходил центральную дорогу и было три выхода миномета, и приземления были в районе нашей школы. Каждый день ВСУ по три мины выпускали, по разным точкам. У нас в школе очень много людей находилось. Крепенько раз обстреляли, 180 человек сразу уехали. Потом опять, через два дня опять сильно обстреляли. Опять еще уехали, 160 человек.

Они один день сюда, потом день по Молодежке, день по Старому поселку, день еще возле Вектора. И все время били, когда начинали люди собираться. На Вектор приходили за водой. Большое скопление людей было. 120-й миномет прилетел, очень много жертв было. Там прямо кусками собирали и хоронили.

Начальник полиции сказал нам, выезжайте, а кто не выедет, последний солдат будет выходить, он вас расстреляет. Были украинские военные, которые говорили – пошли отсюда, чтобы нас не видели. Ко мне один подходил, говорит, выезжать думаешь? Я говорю, да вообще-то нет, что я говорю, у меня ни пенсии, ничего. Он говорит: поедешь ко мне в деревню, на тарелку супа поработаешь, тарелку супа тебе всегда надо. То есть им нужны там были рабы».

**Виталий Сергеевич
Геза**

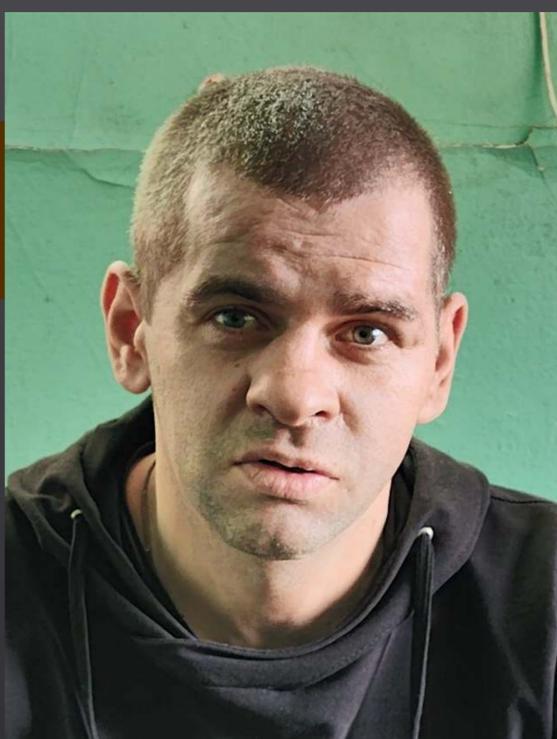
«Началось это все в марте месяце 2022 года, но очень сильно активно стало в апреле 2022. Очень сильно активно. Ездил украинский танк в открытую и передвигной миномет. Они били по домам, не стесняясь. Мне спалили квартиру. Палили дронами. Сжигали все дома. Разбивали танками, разбивали минометом.

Еще люди даже не повыезжали, а их ВСУ обворовывали, вывозили КАМАЗами, очень много вывозили. И по несколько раз даже приезжали к одному подъезду. Мы прекрасно видели. На наших глазах они не стеснялись. Это днем было.

А от обстрела танкового отец моего знакомого погиб. Они шли за водой, ходили на вторую школу. Там, где есть колодец, где воду набирают. И шли они, дошли уже до подъезда, и слышно было выстрел танка. Потом свист, они были на ступеньках, на первом этаже. Три человека. Кум мой, его отец и знакомые. Это было в 2022 году.

В последнее время около поселились украинские дрончики. Мы сидели давно уже в подвале. Они пожгли дома. Ведь они уже все понимали и очень активно начали жечь дома. Невозможно даже потушить. Пытались, а все, невозможно.

Это целенаправленно просто выжигали здесь. Все целенаправленно, били по домам, ездил танк. Если только услышал движение, все, можно сразу опускаться вниз».

**Дмитрий Александрович
Житник**

«Украинские военные ходили нагло, с ломиками, с монтировками, ломали квартиры. У них, как, я не помню, кто-то из соседей спрашивал, зачем он воруют. Они говорят, что на нужды армии. Холодильники, телевизоры, стиральные машинки, пылесосы, даже вентиляторы. Зачем вентиляторы? Ходили внаглую с болгарками, они никого не стеснялись.

Один раз меня чуть не застрелили. Я живу во втором подъезде, они заезжали в первый подъезд, попросили лестницу. Лестница у нас на улице была. Они взяли лестницу, я пошел за лестницу спрашивать. Я не знаю, на каком они этаже были. Бежит какой-то хлопчик молодой, автомат перещелкнул. И говорит, какого, ну, матом не буду ругаться. Что ты тут делаешь? Чтоб я тебя не видел. А я зашел в подъезд, чтобы забрать свою лестницу.

Я в подъезде стоял, он со второго этажа перещелкнул автомат, выбежал и говорит, какого ты тут делаешь, чтобы я тебя тут больше не видел, а то пристрелю».

Степан Анатольевич Колтаков

«Я – шахтер, всю жизнь здесь живу, работаю. Украинцы всем чем можно было обстреливали. В 2023, в марте, здесь русских в помине не было. Украинские войска обстреливали минометами.

В самом начале войны украинцы посмотрели, что люди не эвакуируются. Ну, не хотят уезжать, и все. И начали минометами их. Тогда даже Волноваху еще не взяли. А украинцы нас уже бомбили минометами. Людей выгоняли таким способом. Вроде бы как зачистка, мы даже не понимали, что за зачистка. Они говорили, зачистка, зачистка, вот зачистка. Ну, а по народу передавалось все. Мы же там ходили, уже воды не было, ходили на почту, а там скважины, генераторы поставили, и весь поселок питался оттуда. И потом уже, как туда в толпу прилетело, тоже поразрывало людей. И все, перестали мы туда ходить.

Это сколько было случаев тоже? Говорят, мужики вышли, что-то курили, разговаривали. Шесть или пять мужиков. По толпе – минометом. Чух! Бух! Все. Руки-ноги поотрывало мужикам. Кума убило моей мамы.

ВСУ всегда делают так. Где гуманитарка, там и лупят».

Сергей Викторович Щебельский

«У меня была история в Ольгинке в 2016-м году. Моя мама была, я приехал с работы к ней. У ВСУ там блокпост стоял. То ли «Айдар», то ли «Правый сектор», на трассе они стояли. И ночью что-то вышел на улицу, где-то около часа ночи, и слышу, пошли прилеты снарядов. И они что-то не поделили, ВСУшники с Айдаровцами или ещё с кем-то. Те брали дань с фур меньше, а «Айдар» или «Правый сектор» больше. И что-то там разногласия у них такие получились. И они, давай, ВСУшников обстреливать. Из Благодатного и с

Новотроицкой. Вот этот блокпост, короче, обстреляли. А мы на пересечении огня были. Головы никто не поднял. Дома побили. И мы в подвале две ночи подряд.

19 апреля в 2022 я ранение получил. ВСУшники стреляли. Мы готовили у школы. Начался прилет. Я в подъезд, я девчат успел на лестницу засунуть, а я сам не успел. И осколок в руку. Миномет.

Они тупо обстреливали город для того, чтобы выжить людей. Чем больше, тем лучше. И постоянно: «Чего вы не выезжаете? Чего вы не выезжаете? Чего вы не выезжаете?» Мама мне рассказала, как украинские военные ходили по улицам. И один солдат маме сказал: «У нас приказ, мы будем отходить отсюда, будем делать «черный парк» здесь». То есть стереть с лица земли».

**Антон Владимирович
Савич**

«Украинцы все это время, ну, то есть стреляли отовсюду. Стреляли со стороны запада.

Обстрелы шли постоянно. Иногда даже спать было сложно, три года постоянно обстрелы. Визуально мы видели, что это были украинские националисты.

Вот здесь к крылечку школы приехала машина. Покушать там, гуманитарка, вода, крупы, каши там в коробках. Это капелланы, то есть христианских церквей. Давайте помолимся, давайте. Машина отъехала и тут же

прилеты. Дверь железная, она вся как решето.

От снарядов, от прилетов поубивало, поразрывало местных. Вот могилы. Мы хоронили, где могли, на мусорной, где могли. Я вот лично хоронил в самом начале Руслана. Здесь Денис похоронен, потом Андрей. У Игоря тренер по борьбе вот буквально, может, полгода назад вышел из подвала у себя там, и прилетел снаряд и его разорвало. Руслан погиб два года назад, в самом начале, возле остановки, на выезде внизу, возле остановки первой шахты, там и могила.

Там бочка была, на углу Вектора. Мы ходили за водой. Четырех человек разорвало на куски. Мясо так валялось всё. И таких случаев, просто от снарядов, много».

**Вера Семеновна
Махова**

«ВСУ не просто стреляли, они расстреливали город. Начали с того, что начали расстреливать город.

Как только вечер наступал, первые этажи все спали под окном, потому что спать было на кровати нельзя. ВСУ ходили по улицам и стреляли по окнам, стреляли по балконам. Все это летело в квартиры.

А потом их минометы стояли. Выезжали вечером, вывозили минометы. Вот это в одном месте станет пострелять, в другом... Ну, короче, обстреливали хорошо

город. Порасстреляли все магазины по очереди. Расстреливали и все оттуда вытаскивали. Расстреливали и все вытаскивали. А потом многие жгли после.

Наши квартиры, все, какие только можно, открывали топорами, открывали ломиками. У кого плохо открывались, допустим, металлические двери, ломиками ломали это все. И квартиры, и дома, и гаражи открывали и забирали все, что можно было. Все машины, какие только можно было, все подобрали. С улицы так это точно все забрали. А гаражи тоже вытаскивали, так методично все это.

Говорили, что на Западной Украине матери вояк ВСУ говорят: ой, такие щедрые люди на Украине, присылают нам такие подарки. Конечно, прислали. Все самое новое, все самое хорошее позабирали. Со всех домов, где только мы жили».

**Наталья Евгеньевна Новак,
ее сын Новак Сергей (19 лет)**

«У меня два сына. Сейчас старшему 22, младшему 19. Чтобы ребят не забрали в ВСУ, мы их прятали в вентиляции.

У них уже это было настолько отработано, когда украинские военные идут. И дети сразу, в чём есть, даже босиком прятались в вентиляции. И было такое, что лежали там несколько часов, пока у нас была облава, и требовали документы.

Людей ВСУ согнали, здесь в подвале согнали людей. И был такой момент, было так страшно. Получается, старший сын успел спрыгнуть с кровати и спрятаться, там же у нас тренажёры, и просто темно, и он спрятался. А меньший ещё нет. И украинские солдаты начали ходить с автоматами, везде проверять. А он заскочил на кровать и спрятался за одеждой. А я вижу, что он стоит. И вояка к нему идёт, и пришлось просто внимание на себя обратить, чтобы он отвернулся, чтобы он не увидел, что там стоит ребёнок. Он освещал, и он бы увидел его ноги. И потом, пока я там кричала, всякую ерунду молола, он отошёл ко мне. Я даже не знаю, как он там проскочил, меньший, как он успел, потому что потом, когда я уже смогла подойти, его не было. Я была просто в ужасе, не могла понять, куда он делся.

Он, там согнувшись, успел в темноте спрятаться в вентиляцию. Было страшно, конечно, страшно, жутко. Они

лежали раздетые там три часа, дети вышли оттуда, их трясло. В футболках и с босыми ногами зимой, это же подвал. Уже холодно, поэтому это было страшно.

Я, Ольга и Марина дежурили наверху на лестнице. Чтобы если где-то увидеть там украинских военных, мало ли, тех же самых украинских волонтеров, то чтобы успеть предупредить. Все сразу врассыпную. По залам побежали. Мужчин предупредить. Все в курсе, все знают. Если мужчины идут – все прячутся. Даже если волонтеры.

Приезжали к нам журналисты. Это напоминает, как обезьянки в клетке. Ходят, снимают. Что вы снимаете? Зачем? Что вы хотите увидеть? Люди вымученные, пожилые. Нагло вели себя. Были украинские и зарубежные.

У нас были украинские волонтеры, приезжали. Мол, мы вам будем оказывать помощь. Здесь люди живые, а не клоуны. Не надо ездить, чтобы вы себе где-то отметили галочку. Это не помощь. Были, которые помогали, привозили хлеб и воду. Им большое спасибо. А были, которые работали, я не знаю, для пиара, пиарили себя».

Новак Сергей:

«Мы с братом прятались в вентиляции. 4-5 человек залазили и вдоль всей стенки туда. Метров 15, наверное. Там много нас пряталось».

**Ольга Ивановна
Бышенко-Епифанова**

«ВСУ мародерством занимались. Я это лично видела глазами своими. У нас был дом под замком, чтобы хоть какие-то вещи у людей сохранились. Причем многие люди пооставляли вещи в надежде, что они вернуться.

ВСУ хотели сперва оружием пробить, гранатометом. Мы спросили, что хотите. И они сказали, открывайте. Ребята открыли, они зашли с сумками, вышли с огромными сумками. Это все было настолько прямо, нагло, это было среди дня, стояли люди на улице, стирали, мусор выносили, заметали, в общем, неважно. Без всякого там скрывания. Они вынесли сумки, сказали, закрывайте теперь, все. Это было начало 23-го года.

Мы звоним родителям, и родственники же звонят, и соседи звонят, и все, все спрашивают. И я вам больше скажу, с той стороны соседи, люди, они не верят в то, что такое происходило. Они считают, что это мы забирали вещи, это мы сидим в их вещах и все остальное. То есть это мы мародерим. Не великая... украинская армия, а это именно вот мы.

Они уже считали это своим. То есть по факту прямо говорили – это наши квартиры, наша земля там. А люди, которые живут, те же самые дачи? Нет, это будет моя дача, вот тут я буду жить. Вот в этой квартире. Не от одного и не один раз. Люди прямо переживали за то, что останутся без земли, потому что вроде как она якобы уже обещана ВСУ».

**Иван Андреевич
Пономаренко**

«Российских войск тут не было близко. И после первых двух-трех месяцев специальной военной операции первые прилеты в дома были со стороны Курахово. Это с севера. С украинской стороны, получается, прилеты. Потому что дома были побиты и все с севера. Со стороны Украины. Если по карте смотреть.

Какая-то украинская бригада военных сюда зашла. Тянули мешки с больницы с медикаментами, полные мешки. В квартирах все двери вскрывали. Они с телевизорами выходили, с холодильниками, с микроволновками. Я лично видел с четвертого этажа. Я наблюдал с балкона лично. Люди на Молодежке жили, тоже видели, как ночью приезжали пикапы ВСУ. И ночью по этажам грузили все, что можно. Это, считайте, через пару дней, когда они только выгнали людей. Через пару дней сразу пошли чистить квартиры».